

Раскопки Уральского университета в Херсонесе: К сорокалетию Крымской археологической экспедиции

1997 и 1998 годы являются особенными для истории изучения Херсонесского городища, представляющего собой уникальный памятник, античный и средневековый городской центр, игравший большую роль в Таврике. Начало его археологического изучения восходит к 1827 г. Систематические раскопки были начаты в 1888 г. Связаны они с именем одного из крупнейшего русских византинистов Н.П. Кондакова, помощником которого, а затем и заведующим городищем стал Карл Казимирович Косцюшко-Валюжинич, родившийся в 1847 г.

Летом 1997 г. года Крымская археологическая экспедиция, основанная в 1958 г., в сороковой раз проводила раскопки в Херсонесе, а в марте 1998 г. очередными Сюзюмовскими чтениями и встречей участников археологических раскопок в Херсонесе исторический факультет отметил юбилей Крымской археологической экспедиции, одним из создателей которой являлся М.Я. Сюзюмов. Несмотря на сложности наших дней две кафедры – археологии и истории древнего мира и средних веков, которые сопричастны к раскопкам, выпустили к юбилею сборник “Античная древность и средние века”. Юбилей – это подведение итогов. Цель настоящей заметки познакомить читателей “Византийского временника” с тем, что было сделано за годы, прошедшие с первого сезона раскопок и рассказать о рождении экспедиции, у истоков которой стояли два преподавателя университета – Михаил Яковлевич Сюзюмов и Евгений Георгиевич Суров.

План проведения раскопок в Херсонесе родился тогда, когда об этом можно было только мечтать, но возможности осуществить их не представлялось, и мало кто помнит сейчас, что дружба с Херсонесским заповедником родилась в тяжелые годы Отечественной войны.

Во время эвакуации из Севастополя архивные дела музея было предписано вывезти в Алма-Ату. В течение многих месяцев ящики с архивными папками путешествовали на морских судах, в железнодорожных вагонах, постепенно продвигаясь к месту назначения: они не являлись в те дни столь

важным грузом, чтобы для него место предоставлялось в первую очередь. Когда груз достиг Свердловска, стало ясно, что ни люди, ни упаковка не выдержат дальнейшего пути. С.Ф. Стржелецкий, сопровождавший груз сотрудник Херсонесского музея, вынужден был обратиться за помощью к своему знакомому Е.Г. Сурову, который тогда работал в Свердловском педагогическом институте. После соответствующих запросов место пребывания вывезенного из Севастополя было изменено, и материалы из Херсонесского архива нашли временное пристанище в Свердловске.

Пострадавшие во время многодневного путешествия бесценные свидетельства истории античного и средневекового города, который исследователи прошлого века называли “Русской Помпеей”, постепенно были приведены в порядок. И во время разработки архивных бумаг Е.Г. Суров начал собирать данные для изучения одного из промыслов Херсонеса – рыбозасолочных цистерн. Научным итогом архивных изысканий тех лет стала вышедшая в 1948 г. статья “Рыбозасолочные цистерны Херсонеса”¹, где были обобщены все данные о раскопках рыбозасолочных цистерн, открытых до 1940 г., и поставлен вопрос о времени их строительства. Вполне вероятно, что именно тогда и возникла цель – раскопать одну из цистерн, чтобы проверить возникшую на основании подсчетов кубатуры цистерн гипотезу: использование цистерн приходится не только на римское время и не присутствие в городе римского гарнизона потребовало производства дешевого продукта питания. (Мнение о том, что строительство и функционирование цистерн относится к римскому периоду наиболее полно изложено в одной из работ Г.Д. Белова².)

Можно предположить также, что во время бесед за скучным чаем военного времени три исследователя – Е.Г. Суров, М.Я. Сюзюмов и С.Ф. Стржелецкий – обсуждали вопрос о том, что раскопки Херсонесского городища, возможно, позволят получить данные о наиболее дискуссионном периоде развития византийского города – периоде “темных веков”. Доказательства того, что город-

¹ Суров Е.Г. Рыбозасолочные цистерны Херсонеса // Учен. зап. Свердл. пед. ин-та. 1948. Вып. 4.

² Белов Г. Д. Из истории экономической жизни Херсонеса во II–IV вв. н.э. // Античный город. М., 1963. С. 66.

ские центры не исчезают в середине VII – середине IX в., при малочисленности письменных свидетельств могли дать раскопки. Так, пребывание архивных материалов в Свердловске стали толчком для будущих раскопок в Херсонесе экспедиции Уральского университета, годом основания которой стал 1958.

Первым объектом раскопок археологической экспедиции Уральского университета стал северо-западный район городища, где была расположена базилика, находился некрополь и склепы первых веков и одна из рыбозасолочных цистерн.

В одном из склепов были найдены монеты первой половины IV в., вход в него перекрывался плитой, которая была обнаружена после того, как разобрали стенку цистерны. Периодизация строительства выглядела следующим образом: после прекращения использования склепа прошел, вероятнее всего, значительный период, после которого сооружается рыбозасолочная цистерна. Следовательно, функционировала она не ранее конца IV – начала V в., тогда, когда римские гарнизоны уже покинули Северное Причерноморье. В последующем, во время раскопок в портовом районе (раскопки его были начаты в 1963 г. Объединенной экспедицией, в состав которой входили Уральский и Харьковский университеты и Херсонесский заповедник) были обнаружены еще три цистерны: одна из них функционировала до конца VI – начала VII в., другая до X в., третья же была построена не ранее IX–X вв.

В связи с вопросом о времени функционирования рыбозасолочной цистерны в северо-западном районе Херсонесского городища, следует отметить, что последующие раскопки Херсонесского заповедника уточнили периодизацию строительной деятельности на северо-западном участке городской территории. Они показали, что в VI в. (скорее всего в середине VI в.) херсониты возвели новую линию оборонительной стены, что увеличило территорию города на 0,5 га. Затем строится цистерна. Вероятнее всего, она использовалась для засолки рыбы не очень длительное время. В конце VI – начале VII в. неподалеку от места, где она размещалась, сооружается западная базилика.

Раскопки в северо-западном районе производились до 1963 г. Основные выводы, которые были сделаны Е.Г. Суровым, сводятся к следующему: на раскопанном участке, составляющем 16,3% от всей территории района, до II в. до н.э. располагался некрополь, в I–II вв. н.э. строится древняя (ранняя) западная стена, в III в. сооружаются склепы,

которые используются населением Херсонеса до первой половины V в. В последующем происходит некоторое расширение территории города на северо-западе: возведение новой линии фортификационных сооружений, сооружение цистерны, строительство базилики и других сооружений, входивших в состав культового комплекса. Более поздние раскопки сотрудники заповедника И.А. Антоновой показали, что между VI и IX в. оборонительная стена перестраивалась, а западная базилика, возможно, входила в состав монастыря.

В 1985 г. экспедиция еще раз обратилась к изучению северо-западного района, был раскопан западный загородный храм, крестообразный в плане, который существовал в IX–X вв. После разрушения раннего храма в центральной его части сооружается небольшая однефная часовня. Подобные культовые постройки являются типичными комплексами для поздневизантийских кварталов города. (См. о западном загородном храме и связи изученных в северо-западном районе памятников с топографическими деталями, приведенными в “Слове о перенесении мощей св. Климента” в: В.В. 1990. Т. 51. С. 165–173.)

Другим традиционным исследуемым экспедицией районом является портовый, где с 1963 г. совместно с другими научными учреждениями раскапывался первый портовый квартал, в настоящее время (с 1977 г.) – второй.

Перед экспедицией, приступившей к изучению портового квартала 1, стояли следующие задачи: изучение стратиграфии квартала, уточнение времени основания и гибели города, выявление основных строительных периодов, уточнение времени бытования массового археологического материала, выявление размеров и планировки жилых усадеб средневекового времени.

Анализ стратиграфии позволил выявить отличия в причинах формирования культурного слоя на территории усадеб и улицах, ограничивавших квартал. Культурный слой в усадьбах возникал как результат строительства, бытования и разрушения зданий, при этом массовые, наиболее многочисленные находки встречены в основном в слоях разрушения. Период функционирования домов фактически не оставил следа в стратиграфии. Во дворах же, на улицах и площадях накопление культурного слоя происходило в результате постоянной жизнедеятельности – выравнивание полотна улиц, ремонты водостоков. Мощность слоев по сравнению со слоем, образовавшимся в результате разру-

шений, незначительна, находки единичны и разрозненны. Прослежены также отличия культурного слоя в помещениях, входивших в состав одной усадьбы: в подвальных и полуподвальных помещениях он был более значительным и залегал на большей глубине по сравнению с другими частями жилого комплекса. В ходе строительства, особенно при устройстве подвалов, разрушались более постройки. Хронологически единовременные предметы встречались на различной глубине, а в некоторых случаях не удалось проследить постройки, остатки которых сохранились рядом. Наиболее выраженными, насыщенными значительным количеством массового археологического материала являлись слои разрушения. Так, в ходе раскопок портового квартала I, затем и соседнего – второго, прослежены следы пожаров и разрушений, которые относились к следующим периодам:

А. IV–V вв н.э.

Б. Начала – середины VII в. Необходимо отметить, что были выявлены скопления разнообразных керамических изделий, лежащих на полу, среди которых найдены монеты Юстиниана I (527–565) и Константа II (641–668) в портовом квартале I, Юстиниана I и Фоки (602–610) – во втором. Это имело большое значение как для изучения денежного обращения в ранневизантийском Херсонесе, так и для корреляции массовых находок. Кроме того, исследование слоев разрушения VII в., датированных с помощью радиоуглеродного метода и нумизматическими находками, не могло не внести коррективы в представления археологов Херсонеса о стратиграфии города. (Попутно замечу, что амфоры, например, из слоев разрушения VII в. были найдены также в процессе подводных раскопок византийского корабля середины VII в., затонувшего у мыса Яси Ада³.)

В. Слой разрушения, который образовался не ранее 30-х годов XI в. Одно из достаточно крупных зданий, погибших в это время во втором портовом квартале, было построено непосредственно над слоем пожара VII в., и данное строительство, насколько можно судить по археологической ситуации, произведено в скором времени после пожара.

Г. Слой разрушения поздневизантийского периода – XIII и XIV вв. Именно они имели лучшую сохранность, что позволило получить представление о планировке, разме-

рах домов, соотношении жилого фонда и хозяйственного двора, который чаще всего занимал 25–30% площади комплекса (при средних размерах усадьбы 120–140 кв.м). В слоях разрушения, образовавшихся в результате пожара, была собрана значительная коллекция керамики: амфор, распространенных в черноморско-средиземноморской зоне, глазурированной посуды, как местных гончаров, так и импортные изделия. Продукция гончаров Херсона, имевшая стандартные размеры, устойчивые орнаментальные мотивы, свидетельствует о массовом производстве керамики. Привозные же изделия, которые украшали выгравированные изображения святых воинов, львов и птиц в геральдической позе, – о торговых связях в XIII – начале XIV в.

Уникальной стала находка в одном из домов небольшой иконки из стеатита с изображением Богоматери с младенцем в левой руке. Рядом с ней были обнаружены брусочки того же материала (слой пожара XIII в.). В целом находки внесли существенные коррективы в ранее существовавшее представление, согласно которому Херсон во второй половине XIII – XIV в. не имел широких торговых связей, собственного ремесла и превратился в “полудеревенское поселение”.

Изучение стратиграфии портового района позволило поставить вопрос и об особенностях “формирования информации”, заключенной в археологическом источнике, об интерпретационных подходах к данным археологических раскопок, о причинах образования “археологических лакун”, отражающих периоды, когда не производилось значительного строительства и не было разрушений. Таким образом, в процессе раскопок экспедиции сформировалось мнение, что “нормальная жизнедеятельность” фактически не отражается в стратиграфии. Следовательно, отсутствие находок и культурных слоев на памятниках с монументальной архитектурой в городах, отличающихся высоким санитарным уровнем, не может служить свидетельством о их кризисном развитии, запустении и “обезлюдении”.

Одним из важнейших наблюдений можно считать также выявление непрерывной застройки и обитания в портовом районе (в двух его кварталах) в течение всего средневекового периода.

Одновременно с раскопками на Херсо-

³ Bass G. Underwater excavations at Yassi Ada: A. Byzantine Shipwreck // *Archäologischer Anzeiger*. 1962. Т. 3. S. 546.

несском городище в 1968 г. производилось изучение так называемого дворца князя Алексея на Мангуп-Кале (Е.Г. Суров; в последующем ими руководила выпускница исторического факультета Н.И. Бармина, работающая в настоящее время на факультете культурологии и истории искусства). Основным объектом раскопок Н.И. Барминой стала мангупская базилика, где было выявлено несколько строительных периодов и функционирование комплекса вплоть до XV в.

В 1971 г. совместно с Историческим музеем отряд Крымской экспедиции работал на территории посада такого “пещерного города” как Бакла (до 1977 г., В.Е. Рудаков, А.В. Лямин). Преждевременная смерть В.Е. Рудакова преврала эти исследования.

В результате раскопок на посаде Баклинского городища (раскопками в цитадели руководил Д.Л. Талис) прослежено четыре периода строительства и жизни. К средневековому времени относился второй период (V–VII вв.), следующий датировался VII–IX вв. и последний, на основании хорошо известного в Юго-Западной Таврике археологического материала, – IX–XIII вв.

Разведки в окрестностях городища свидетельствовали о непрерывной заселенности района, начиная с I в. н.э. и кончая XV в. На одном из поселений – к югу от плато, на котором расположено Баклинское городище, открыт раннесредневековый склеп, над ним в VIII–IX вв. был построен трехапсидный храм, кардинально перестроенный в XII–XIII вв.

Продолжением сбора археологической информации о связях города и деревни в средневековой Таврике стали раскопки на расположенном неподалеку от Херсонеса поселении – в низовьях р. Бельбек. Здесь был открыт трехапсидный храм, сооруженный в конце XIII – начале IX в., остатки нескольких жилых домов этого же времени. В XII–XIII вв. в центральном нефе базилики сооружается небольшая однефная церковь. Аналогичную ситуацию мы видим и в Херсонесе.

Собранный в жилых усадьбах материал свидетельствовал о связях с Херсонесом.

Раскопки в долине р. Бельбек были продолжены исследованием поселения, расположенного в 4 км выше по течению (1977 г., Л.А. Омелькова, ныне сотрудница кафедры истории древнего мира и средних веков). Они показали, что поселение погибло во время пожара, который датирован IX в. Близкая картина была открыта и во время раскопок поселения под Сюренью.

Практическая работа, изучение и обобщение материалов раскопок, производившихся другими исследователями, позволили опубликовать как научные штудии (Романчук А.И. Херсонес XII–XIV вв.: Историческая топография. Красноярск, 1986; Коллективная публикация находок: Краснолаковая керамика ранневизантийского Херсона. Свердловск, 1991 и Амфоры из комплексов византийского Херсона. Екатеринбург, 1995, вышедших в серии Средневековый Херсон: История, стратиграфия, находки), так и научно-популярные книги (Романчук А.И. Возрождение античного города. Свердловск, 1981; Она же. Были и легенды Херсонеса, Симферополь, 1995).

Издание популярной литературы отражает другое направление деятельности экспедиции – работу со школьниками. С целью развития уважительного отношения к историческим памятникам, приобщения к истории Херсонеса при экспедиции была создана летняя археологическая школа для учащихся средних школ. Многие слушатели ее стали студентами университета.

Большое значение для организации работы со школьниками и студентами имеет также существование межакадемической лаборатории Византийской археологии, при которой существует небольшой музей по истории Херсонеса и где сосредоточена подготовительная издательская работа. Все выпуски тезисов Сюзюмовских научных чтений, публикации находок и популярных книг подготовлены именно здесь.

Безусловно, подводя итоги, нельзя не вспомнить о сотнях студентов, которые прошли школу воспитания деловых качеств, ответственности и взаимоподдержки в археологической экспедиции. Многие из них стали учителями, сотрудниками государственных служб, представителями и руководителями различных фирм. Перечислить все имена невозможно, но в деле сохранения экспедиции в сегодняшние трудные дни помощь оказывают один из директоров фирмы “Гейзер” Н. Дерггин, выпускники исторического факультета С. Кириенко, С. Маврина, О. Мазур. И мы надеемся, что в юбилейные дни многие другие вспомнят о тех днях в годы учебы, которые они провели в Херсонесе, и захотят вернуться сюда еще раз – на раскопки ли, или просто посмотреть, какие же новые тайны открывает нынешнее молодое поколение его исследователей.

А.И. Романчук